

Миссия, что вполне предсказуемо, летит к чертям, не дав даже перевести дух.

С низким рычанием Курама блокирует мечом удар топора клона, проносится мимо и одним легким движением обезглавливает его. Катана Сасукэ, сданная им, когда он стал слишком болен, чтобы пользоваться ею, поет, рассекая воздух. Это не Кусанаги, сломанная давным-давно, и не что-то особенное, но это Сасукэ, за которым хорошо ухаживали и который был сделан мастером, с печатями Курамы в самом металле. Клон с плеском превращается в воду, и Курама бросается вперед, сбивая с ног нина, сражавшегося с Райдо.

Райду не благодарит его, а Курама не ждет благодарности: это миссия, а не постановочный турнир, и шиноби Конохи славятся командной работой именно по этой причине. Любой вражеский шиноби, вступающий в схватку с Конохой, знает, что вместо поединков один на один, как в случае с другой деревней, с Конохой всегда будет ближний бой, и редко в их пользу.

"Генма?" Райду уклоняется от дзюцу Дотона и делает выпад вперед, черное лезвие его отравленного меча - тень в полумраке под деревьями.

Курама уклоняется от куная, пролетевшего достаточно близко, чтобы почувствовать, как он задевает его волосы, и бросает свой собственный, с добавлением взрывающейся метки. Сила взрыва, измененная и усиленная печатями, которые Курама использует для их изготовления, сотрясает лес, и у Курамы появляется время, чтобы броситься обратно к своему командиру. "Ловушки", - отвечает он, доставая из внутреннего кармана жилета джоунина листок бумаги. "В нашу сторону направляется подкрепление, возможно, через четыре минуты. Неизвестное количество, приближаются с юго-востока".

"Черт", - пробормотал Райдо, а затем крутанулся в сторону, поймав на свой меч спускающийся кунай. Он пинает нападавшего, крутится на месте, а Курама с оскаленными зубами и рычанием встречает вражеского нин, втыкая одну из бумаг в грудь женщины. Раздается треск фиолетового света, крик, а затем женщина падает, как камень.

"Вперед!" - приказывает токудзё. "Я могу задержать их, пока Генма не закончит. Встречаемся в точке D в полдень".

Курама сдерживает инстинктивный протест против того, чтобы бросать товарища, но он достаточно долго был шиноби, чтобы понять разумную стратегию, когда она ему представлена. Эти нин охотятся за свитком, их явно наняли, чтобы достать его, а значит, они охотятся за ним. Хотя бегство, несомненно, расскажет им, кто именно несет этот предмет, это лучший выбор. Курама быстр и опытен, а разделение сил даст Райду и Генме преимущество, необходимое для быстрой победы.

Выпустив короткий резкий вздох, Курама наклоняет голову. "Хорошо. Убедитесь, что вы туда попали", - рычит он, вставляет катану обратно в ножны и стремительно прыгает вперед. Он еще не совсем Желтая вспышка, но когда он пытается, мало кто может его догнать.

Кюуби-но кицунэ всегда умели бегать, по крайней мере, это точно.

Они находятся на самой границе Страны Огня, практически плечом к плечу с Молнией, и это далеко не комфортно. Мир в лучшем случае неспокоен, его покупают смертью и тайными сделками, а когда это деревни шиноби, нанятые, чтобы перехитрить друг друга, мира нет вообще. Курама старается придерживаться своей стороны границы, мысленно отмечая ее и сохраняя дистанцию.

Позади него, не так быстро, как он, пробираются сквозь деревья остальные нин. Они шумят так, что это может насторожить даже самого тупого студента Академии, и Курама мысленно усмехается. Леса Страны Огня, конечно, особенные, но вряд ли они уникальны, а такой уровень шума - просто позор.

Он оставляет ловушки на ходу, печати, срабатывающие от близости, быстро устанавливаемые проволоки с взрывающимися метками - все, что можно бросить на ходу. Как бы он ни ненавидел это, но это именно та ситуация, с которой он сталкивался, - бежать, сражаться, уходить от преследователей. Когда-то, возможно, он отверг бы такую идею, стоял, сражался и умирал за нее. Но силы Мадары всегда превосходили их по численности, и все остатки Конохи быстро поняли, что иногда отступление и бегство действительно являются лучшими вариантами.

Впереди показалась слабая искра чакры, небольшое мерцание света, и Курама сузил глаза. Он хорошо знаком с дзюцу, которые используют Райдо и Генма, но это были не они. Они отстают от него на целых семь минут, даже если двигаться быстро, и должны были бы уже разделаться со своими противниками. Нет сомнений в их мастерстве, нет сомнений в том, что они оба заслужили татуировки ANBU на своих плечах много раз, но даже для них двоих это уже слишком.

Итак. Враг, значит.

Курама делает вдох и бросается вперед, прочь от деревьев. Он приземляется на бегу, поднимается и движется прежде, чем его преследователи успевают заметить изменения, и, воспользовавшись тем, что они спешат припасть к земле, вскидывает руки вверх, чтобы наложить самую привычную для него печать. В мгновение ока его становится пятеро, и четыре клона без колебаний расходятся в стороны, становясь в готовые стойки, даже когда он увеличивает расстояние между ними. Эти вражеские нин - чуунины, может быть, максимум два джоунина, и четырех клонов вполне достаточно, чтобы справиться с ними.

Если бы он был хорош в гендзюцу, это было бы идеальное время для дзюцу хамелеона, но даже добавление чакры и мастерства Кюуби-но Кицунэ не может компенсировать его недостаток в этой области. Курама ругается под нос и прыгает вперед, когда земля уходит из-под ног, а руки тянутся вверх, чтобы схватить его. Еще четыре быстрых знака, и он шипит: "Дотон: Сжатие!"

С грохотом земля обрушивается на шиноби, и Курама обхватывает рукой толстую ветку, отталкивается от дерева и падает на землю. Впереди кто-то есть; чуткий слух улавливает хриплое дыхание, но оно звучит быстро и панически.

Молодой, думает Курама, сердце сжимается, но он стискивает зубы и снова выхватывает катану Сасукэ. (Гинкадзе - так всегда называл это Сасукэ, как бы Курама ни высмеивал его за отсутствие воображения. Но думать о Сасукэ, все еще испытывая боль, все еще испытывая яростное сожаление, сейчас - нет. Нет.) Он не хочет убивать чуунина в кустах, скорее всего, только недавно получившего повышение, но они оба шиноби на миссии, у обоих есть долг, который нужно выполнить.

Курама многое узнал о долге с тех пор, как вернулся Мадара.

"Я не буду просить тебя пропустить меня", - говорит он. "Но я не хочу с тобой драться".

Дыхание сбивается, и слышится легкое шипение выхватываемого оружия. Курама встает на ноги и выпрямляется, как раз вовремя, чтобы мальчик из кустов выскочил. Он неуклюже орудует своим вакадзаси, но слишком медлителен, чтобы сравниться с Курамой, который в другой жизни мог бы стать каге, если бы все сложилось лучше. Курама уклоняется в сторону, поворачивается вполоборота, и рукоять Гинкадзе врезается в череп мальчика. Слишком мягкий, чтобы стать убийственным ударом, если только справедливым - милосердие - это то, на что у них еще есть время, здесь, и Курама с раздирающей болью осознает, что ему больше не придется убивать тех, кто перейдет ему дорогу. Возможно, так было бы лучше, умнее, но Курама никогда не был таким, если его не заставляли.

Курама на полминуты оглядывается через плечо, даже когда над верхушками деревьев поднимается вспышка огня. Он слабо улыбается, с нежностью, потому что для такого уравновешенного человека Генма всегда подозрительно любил катон-дзюцу. Затем, коротко вздохнув, он вставляет Гинкадзе обратно в ножны и взбирается на ветви.

<http://tl.rulate.ru/book/100817/3458422>